

Биктимиркин Евгений

«Планы бытия» (отрывок)

От автора

Первое, о чём хочется сказать: не воспринимайте всё в тексте буквально. Это глупо, а я надеюсь на смышлёного читателя – того, что порой подозрительно приподнимает брови в коварной ухмылке, понимая, что задумал автор. На других тоже надеюсь – они души.

С каждым новым произведением всё больше нравится писать. Это вообще меня захватило. Хотя писатель я не самый лучший, зато воображение гениальное. Начальную сцену в несколько присестов писал, и каждый раз сердце щемило и лицо кривилось. Каждую сцену словно сам проживал. Слава Богу, пережил всё это. Надеюсь, возвращаться более не придётся...

Пока взрослеешь, всё мудрее и хмурее становишься, так что в этот раз я решил подойти с умом и силой воли – решился сначала продумать как можно больше, прежде чем писать. Но ждать невыносимо, и я бросился в бой чуть раньше времени.

Следует отметить, что в произведении присутствуют сцены весьма сексуального характера. Так что, читатель – будь осторожен.

Эта история происходит параллельно основной сюжетной линии, которую, я надеюсь, ещё смогу раскрыть.

Глава 1

«Сегодня настроение куда лучше, чем вчера. Наверно потому, что отголоски похмелья пропали, и ночью удалось проспять аж семь часов в пять присестов и в холодном поту. Не без помощи снотворного, разумеется. Хотя и оно не гарант. Ничто ничего не гарантирует.

Может быть, мне помогло, что вчера покачался на убой. И то через головную боль – ощущение, словно кто-то разогревает мозжечок в микроволновке, и с каждой натугой боль лишь усугублялась. Лучший способ переключить настроение, «обнулить счётчик», «вышибить мозги» – это сделать что-то чересчур осязаемое для организма и психики. Например, напиться или покачаться. При приседе вечно ощущение, что того и гляди выскочит сердце, и ни о каких посторонних мыслях не может быть и речи.

А возможно, сегодня меня не так беспокоит солнце. На улице всё ещё холодно, но солнце жарит и слепит по-весеннему. Весна – пора любви... И запоев. Хм, а это я забавно придумал. Может быть, из-за этого настроение хорошее? Юмор – да, я в этом разбираюсь. Помню, как раньше много шутил. Пока не осознал две истины: за смех не дают даже поцелуя, и больше всех смеётся тот, кто в глубине души наиболее несчастлив. Но и это не имеет никакого значения, ибо я пытался и шутить, и быть серьёзным – разницы никакой. Ничто не имеет значения.

Я могу понять и даже простить почти кого или что угодно конкретное. Более того, я мог бы не обращать внимания, а кое-что даже (невероятно!) забыть. Но вот что мне никак не удаётся игнорировать – это абсолютная ничтожность, бесполезность и убожество человеческой жизни. Почти все вокруг меня померли, да и те, кто остался, я уверен – скоро помрут, – дело времени. Я последние два года жизни вообще не помню – за неделю пронеслись. Да и лет пять до них – чисто редкими короткими фрагментами. Так что пять или двадцать пять лет – для меня почти без разницы.

И ничего взамен жизнь не предлагала, и даже не намекала. Что бы я ни делал, что бы не думал, что бы ни говорил, в какую бы идиотскую или дискомфортную ситуацию

себя не бросал – всё без толку. Ни одна из сколько-нибудь симпатичных мне особ не только не отвечала взаимностью, но даже не рассматривала меня, как потенциального партнёра. Для всех я лишь дух бесплотный. А я-то знаю, что без женщины счастье невозможно. И это притом, что я скромняга, почти ничего от этой поганой жизни не просил кроме любимой женщины и хотя бы одного ребёнка. Какие там дети и семья, «какой Ближний Восток...»?! Тут вообще ничего и никогда не было. Только пустота и Абсолютная Тьма Вечной ничтожности и уныния.

Забавный случай вечно вспоминаю. Папа умер слишком рано для меня, и друг сказал, что с жизни или судьбы мне явно причитается. И когда мы вызывали лифт, чтобы подняться к нему на третий этаж, он в очередной раз уже ждал нас внизу. Мы пошутили, что всё – судьба должок вернула. Зло, конечно, но порой хочется смеяться так зло, и так громко, как только можешь. Так сильно, чтобы лицо перекосило до ужаса.

Да хоть в солнечное сплетение или кадык ударь со всей силы – даже такой импульс, наверняка выдержу. Но вот чего перенести невозможно – это когда беда не приходит одна. Ни за что, сразу плохо и плохо. И плохо за то, что плохо, и плохо оттого, что плохо. Когда день за днём на протяжении бесчисленных лет одно и то же одинаково плохое, или никакое. Даже в те редкие случаи, когда с какой-либо встречи возвращаешься в хорошем настроении, в глубине души всё равно держится неприятный запашок; а когда приходишь домой, и вовсе скука и уныние срубают, словно удар боксёра в челюсть. Ничего страшного – все мы знаем, что тяжело бывает. Даже когда слаб, вроде пережить можно, но вот вечность, словно вода, точит камень психики. И самое страшное – что после половины жизни уже перестаёшь верить в то, что способен не быть злым, свихнувшимся, и способен любить и быть счастливым. Как в том невыносимо грустном и трагичном произведении: «Порой столько вытерпишь, что имеешь право никогда не говорить, что счастлив».

И ведь дело не только во мне: оглянуться по сторонам – столько несчастных, что опять же, страшно становится, – как этот мир способен выжить? Как его ещё не разорвало? Неужели со временем станет ещё хуже?

Сколько слышал историй про нелёгкую судьбинушку: тут то потерял, тут иного лишился, тут вообще непонятно, как выжил, – ужаснуться можно. Такое чувство возникает, что это уже стало восприниматься, как должное. И я вот не пойму до сих пор: мы должны «ценность и значимость человеческой жизни» иметь в виду, и как-то хотя бы немного с уважением, состраданием или, хотя бы пониманием, что ли, к таким людям относиться? Или «а, ну да, слышал про такого человечка: как-то еле прожил, а если ещё и любви или чего-то, ради чего можно было бы жить, не познал – и фиг с ним, пусть хоть помрёт в безвестности и одиночестве – сам виноват»?

Понятно, для чего я эту записку пишу, и понятно, для кого. Хоть кто-то оценит, – не то, что остальную мою писанину – опять юмор. Да и, честно говоря, про здоровьице ещё осталось разве что упомянуть. Сердце, мочеполовая, зрительная и нервная системы уже ни к чёрту. Мама бы сказала в тысячный раз про такой пустяк: «Нифига себе, всего тридцать четыре года, а уже проблемы со здоровьем! В вашем возрасте такого быть не должно». А я бы так сказал на эти постоянно слышимые старпёрские фразы: «Да мне бы ваши проблемы, больные, вы, этакие. У вас хотя бы партнёры какие-никакие были, или даже есть, любовь была, а то и есть до сих пор, да ещё и дети, а у кого-то даже внуки! Вам хоть сейчас подышать – большего от жизни всё равно даже желать кощунственно!».

Не все варианты я испробовал: надо было попытаться к вере обратиться. Но, во-первых, никогда не тянуло, и даже сейчас не тянет. Во-вторых, один фиг, многим, если не большинству верующих, насколько я видел, всё равно не так уж везёт по жизни. Можно, конечно, сказать, что смысл не в фортуне и даже не в счастье от присутствия спутницы жизни, а в чём-то трансцендентном, что уже мне непонятно. И в-третьих, никогда не хотелось нагружать своими проблемами Бога. Хотя, я молился Ему – может, неправильно. Глупо, конечно, «нагружать» – каждый день я надеялся, что именно сегодня моя жизнь изменится, и в девяноста восьми процентах случаев ничего нового не делал, то есть, по

сути, ждал, что всё как-нибудь само изменится. Все эти долгие годы, помноженные на триста шестьдесят пять, надеялся, – сегодня не буду.

Понятно, «вечно я прошу у жизни, судьбы, Бога – вечно жду чего-то». Ну что же, больше не буду. Мама с месяц, как ушла из жизни, – теперь не так жаль, что заплачет кто-то».

Всё время, пока Софрон писал записку, он сидел в пуховике. Компьютер он даже не включал, так ещё и повторно прошёлся и проверил, все ли приборы в квартире выключены. Он тщательно обдумывал, что ещё он мог забыть сделать.

«Опять?! Даже сейчас эти чёртовы заботы?!» – вскипело у него в голове. Вот теперь стало страшно.

Верёвка к балконным перилам заблаговременно была привязана, петля заранее в ведре с мыльной водой смочена, все деньги на карту брату были переведены. Софрон накинул петлю на шею, позвонил в скорую помощь – рассказал, где висельник. Дрожащими руками, едва сдерживая слёзы, послал брату заранее набранную СМС и отложил телефон в беззвучном режиме. Балконную дверь, как и входную, закрывать не стал – пусть веет весенней прохладой. Ненавидя себя за лишние секунды промедления, из-за которых мог передумать, он перелез за перила, встал на карниз и подумал: «Господи, пусть я окажусь в лучшем мире». Аккуратно, чтобы не разбить стёкла соседям, он шагнул вниз.

Рывок был настолько сильный, что хруст можно было услышать на соседних этажах. Свет погас сразу, хотя руки инстинктивно попытались потянуться к голове. Но сразу же опустились.

Длину и толщину верёвки Софрон взял с запасом, потому что знал, что даже такое способен пережить. Ему очень не хотелось думать о процедуре, но приходилось. Каждый раз он продумывал одну деталь, и сразу же недюжинной силой воли давил дальнейшие размышления. Он очень не хотел причинять неудобства соседям снизу, однако, сколько бы он не воображал, более экологичного и при этом эффективного способа в голову так и не пришло.

Дарственную на квартиру брату писать было нельзя, потому что для этого нужно его присутствие, и брат бы тут же понял, что к чему. Чтобы труп начал разлагаться до нескорого прибытия спасателей он тоже допустить не мог. Извечная дилемма, постоянный поиск баланса между своими интересами и интересами других.

Глава 2

Белый свет, нежность, мягкость и невесомость облаков. Слабый, едва заметный ветерок и тёплое одеяльце из более тёплого воздуха. Это первое, что он ощутил при пробуждении. И было это таким, не нуждающимся в словах, таким очевидным, словно так было и будет всегда и везде. Хотелось только слегка повернуться и укутаться потеплее и уютнее. Но нет, – это была просто больница, и он лежал на обычной медицинской кушетке.

Когда Софрон, нехотя, открыл глаза, он увидел лишь размытые светлые пятна. Слух выдавал такие же размытые, бестолковые и кривые звуки. Ничто не тревожило его блаженный покой. Кроме здоровенной штуковины на шее. Он потрогал её, постучал – очень жёсткая – по идее, спать в ней неудобно. Захотелось повернуться, но боль напекнула, что не стоит.

Подняться удалось довольно легко, и, усевшись и оперевшись руками в лежанку, Софрон стал ощущать происходящее. Глазки сами закрылись, а губки растеклись от приятной истомы. Вскоре голова закружилась, и пришлось открыть глаза. Всё вокруг поплыло: стены, койки с незнакомыми телами, тумбочки, окно – всё искривлялось и словно дышало. Софрон старался растянуть эти чувства как можно дольше, но голова

была, словно набита ватой, в горле пересохло и захотелось в туалет. Когда мужик позади застонал, и показалось, что койки ездят, он принял решение пройтись во имя спасения.

На выходе из палаты он потерял равновесие и чуть не упал. И вдруг нахлынуло другое ощущение: всё происходящее замедлилось, грани вещей расползались, словно серые полупрозрачные змеи. Врач, проходящий мимо, тоже ни с того ни с сего стал падать. Удержаться за стойку с инструментами, нагруженными на неё, он не смог, и всё рухнуло с адским грохотом. Слух барахлил, так что неприятных ощущений Софрон не испытал. Он хотел было помочь упавшему бедняге, но тот встал своими силами. Жалкое зрелище: словно пьяные, едва держатся, чтоб опять не поскользнуться на ровном сухом месте; тщатся помочь друг другу, а мужичок, сидящий на диванчике – невольный наблюдатель смотрит таким же безучастным взглядом на всё это безумие. Раньше Софрон бы усмехнулся, но сейчас у него была явная цель – добраться до туалета любой ценой.

Добравшись, он тут же принялся справлять нужду в первую попавшуюся раковину. От этого поглаживания и внутренних ласк Софрон невольно закатил глаза, и на какое-то время ушёл из реальности. Он поразился тому, что тело делает хорошо само себе.

Вскоре зашёл врач постарше, который, видимо, услышав грохот, решил посмотреть, что творится. Он посмотрел на происходящее непотребство и вышел. Через минуту он зашёл вновь и увидел уже, как Софрон, извернувшись словно змея, корчась и терпя боль, пьёт воду из-под крана. Он вновь вышел на минутку.

– Ионов? – спросил врач, начинающий свой седой этап жизни.

– Вы мне? – не понял С..

– Да. Вы Ионов Софрон Васильевич?

– Видимо... да. Что-то знакомое... – Что-то и в правду завертелось в его голове, но оставалось неуловимым и затуманенным, витающим и близко и, одновременно, вдалеке. Для простоты он решил согласиться.

– Не гнитесь так больше, – начал вопрошающий с важным беспристрастным видом.

– И в женский туалет не ходите, пожалуйста, больше...

Софрон резко дёрнул головой, не понимая, как можно распознать, и не понимая, как на санузлы вообще может распространяться монополия. Разумеется, таких умных слов он ещё не знал. Но он помнил слово «обладание».

– А где я вообще?

– Не помните, как... – начал мудрый врач, и тут же осёкся.

От С. не ускользнул задумчивый взгляд врача, – он захотел узнать больше. И ему это удалось. Мыслеобразы и метасообщения подсказали, что он, Софрон Васильевич Ионов, тридцати четырёх лет отроду, покончил с собой, повесившись. Врач не боялся, он именно не хотел говорить об этом. Он вообще не о чём говорить особо не хотел, а то, о чём хотел, стеснялся спросить.

– Что это за штука? – спросил без злобы, даже со снисходительной улыбкой, Софрон, постучав по пластмассе на горле.

– Это корсет. У Вас повреждён позвоночник, придётся поносить его некоторое время...

– Как долго? – перебил его С.

Тот стал долго думать, и Софрон понял, что от трёх до десяти дней.

– Спасибо. И спасибо, что помогаете. Я это ценю, – искренне сказал Софрон, не дожидаясь ответа.

– Вы ничего не помните? – вдруг спросил седой низкорослый эскулап с некоторой озабоченностью.

– Смотря что я должен помнить... – Софрон не понимал: как дышать, как пить, как ходить в туалет, как разговаривать, даже имя с какими-то, видимо, важными словами знал, – что ещё нужно?

Врач призадумался, провёл взглядом диагональ от пола до стены, и сказал:

– Я Вас направляю на осмотр в другое учреждение. Я сообщу Вашему брату, что Вы пришли в сознание. Отдыхайте. – Врач завершил речь и ушёл.

«О Боже, брат! – пролетело у С. в голове. – Я решил уйти из жизни, видимо, без его одобрения. Я подвёл его. Нужно извиниться. Кстати, а его-то как зовут?».

«А-а, неважно, пойду опять на облака», – быстро переменялся Софрон в настроении. Теперь, когда тело освободилось от обузы и жажды, жизнь вновь виделась светлой и нежной.